

А. С. ЛЫЗЛОВА
(Петрозаводск)

АСТРАЛЬНЫЕ¹ ПЕРСОНАЖИ — ПОХИТИТЕЛИ ЖЕНЩИН В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению двух астральных похитителей женщин — Солнца и Месяца, которые достаточно редко функционируют в русских волшебных сказках. В проанализированных текстах содержатся сведения об облике, функциях, локализации указанных персонажей.

Ключевые слова: русская волшебная сказка, астральные персонажи, Солнце, Месяц.

Александр Николаевич Афанасьев в свое время справедливо отметил, что «олицетворения солнца и месяца, как и других некогда обоготворенных сил и явлений природы, очень обыкновенны в сказках, заговорах и некоторых старинных песнях» [Афанасьев 1897, 68]. По словам ученого, «герои народных сказок часто обращаются к светилам, спрашивая о дороге в далекий край или о судьбе милых сердцу» [Афанасьев 1897, 68]. Для примера он приводит некоторые немецкие сказки и «Калевалу», где «мать Леминкяйнена спрашивает дорогу в Похьёлу у Месяца и от Солнца выведывает о жребии своего сына» [Афанасьев 1897, 68]. Напомним, что в указанном качестве данные небесные явления функционируют и в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

Для волшебносказочной традиции типична ситуация, когда персонажи, олицетворяющие названные светила, похищают дочерей героя (старика) и становятся его зятями. Такие тексты объединяются в сюжет, зафиксированный в СУС под номером 552В=АА*299

¹ В узком значении слово «астральный» означает «звездный» (от лат. astralis), но мы, вслед за составителями БЭС «Мифология», понимаем его в широком смысле: «Мифы солярные и лунарные в принципе являются разновидностью астральных» [Мифология 1998, 655].

Солнце, Месяц и Ворон — зятя, который во многом близок сюжету 552А=АА 552 Животные-зятя, где похищение женщин совершают различные зооморфные существа (в том числе птицы и рыбы) и персонифицированные природные явления. В Указателе учтены шесть вариантов, еще три были обнаружены в сборниках, вышедших после издания СУС. Первые публикации подобных сказок относятся к XIX столетию [Подснежник 1858, 3—9; Афанасьев 1957, № 92], большая их часть присутствует в фольклорных собраниях XX в. [Бахтин, Ширяева 1976, № 12; Ведерникова, Самоделова 1998, № 53; Зеленин 1915, № 19; Никифоров 1961, № 37; Онегина 1986, № 35; Разумова, Сенькина 1982, № 5]. Один из вариантов напечатан в разделе «Материалы и сообщения» в межвузовском сборнике «Фольклор народов РСФСР» [Шмаков 1977, 124—125].

Отметим попутно, что наряду с указанными орнитоморфными и астральными существами в роли похитителя в этих сказках может выступать и симболизирующий атмосферное явление Ветер. Так, в двух проанализированных текстах зятями старика оказываются Солнце, Месяц и Ветер [Подснежник 1858, 3—9; Разумова, Сенькина 1982, № 5]. Месяц, Ворон и Ветер функционируют в варианте, записанном в Карелии в 1982 г. [Онегина 1986, № 35].

Объем настоящей работы не позволяет рассмотреть всех упоминаемых выше персонажей; в ней мы попытаемся представить, как русские волшебные сказки изображают астральных похитителей.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты не дают подробных описаний их внешности. В сказках упоминается лишь наличие отдельных частей тела. Например, в нескольких вариантах подчеркивается, что у Солнца есть голова [Бахтин, Ширяева 1976, № 12; Никифоров 1961, № 37; Подснежник 1858, 3—9; Разумова, Сенькина 1982, № 5; Шмаков 1977, 124—125]. При этом указания на другие части тела отсутствуют, что, по-видимому, свидетельствует о сохраняющемся в сказке восприятии дневного светила как объекта, имеюще-

го круглую форму. (Кстати, в сказочной традиции есть еще один подобный персонаж — Колобок².) Солнце «имеет вид сияющего диска» [Крапп 1999, 87], который «похож на колесо, катящееся по небу» [Крапп 1999, 94]. «Кругловидная форма солнца заставляла древнего человека видеть в нем огненное колесо, кольцо или щит» [Афанасьев 1995, т. 1, 106]. Упоминаемый астральный персонаж сохраняет в сказках свою семантику и оказывается символом тепла, огня, жара. Это в некоторой степени подтверждается текстами, сообщающими, что в гостях у Солнца старика угощают блинами/оладьями, которые женщина готовит прямо на своем муже: «Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи жарились» [Афанасьев 1957, № 92]; «Сонце село на стул, а жонка его полбжила сковороду на голову его и напекла блинов» [Никифоров 1961, № 37]; «Жена натворила блинов. Эти блины стала печь у него на голове, у солнышка» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12]; «Село Солнце на пол, разве-ла блинную муку дочка и поливает на голову, а блинки так и летят» [Разумова, Сенькина 1982, № 5]; «Старшая дочь замесила тесто, поддержала сковородку над головой Солнца и напекла блинов» [Шмаков 1977, 124—125]; «Вот, когда тесто поспело, Солнышко уселось посреди пола и говорит жене: “Лей мне на голову”. Жена налила тесто: блин и испекся» [Ведерникова, Самоделова 1998, № 53]. В приведенных примерах Солнце используется в качестве печи/сковороды. Отметим, что в одном из вариантов в этой роли функционирует Месяц: «Дочь стала готовить ужин: блины, лепешки печь. Как на сковороду нальет тесто, Месяцу на голову положит и блины печет» [Онегина 1986, № 35]. Вообще же «символика блинов в фольклоре, как и в обрядах, связывает их со смертью и с небом как иным миром» [Гура 1995, 246].

Итак, облик Солнца едва ли не полностью сводится к описанию головы. Эта часть тела «ассоциировалась с вер-

² Ср., например, загадку о небе и солнце: «Голубой платок, / красный колобок / по платку катается, / людям усмехается» (выделено мной. — А. Л.) [Круглов 1993, 70].

хом, главенством, <...>, рассматривалась как средоточие жизненной силы,местилище души и ума» [Топорков 2002, 106].

Что касается Месяца, то чаще всего упоминаются пальцы данного персонажа, которыми он освещает помещения: «Месяц зачихал перстик свой в дырочку и оттого в бане светло-светло стало» [Афанасьев 1957, № 92]; «Месяц <...> взял нокотёк [ноготок] свой маленький, остренький и сунул в щель — стало там светло» [Онегина 1986, № 35]; «А баня деревенская, темная. Месяц сунул в щель палец и стало светло» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12]; «Пошла она (дочь старика. — А. Л.) в погреб, а месяц только палец над творилом поддержал — все углы осветил» [Подснежник 1858, 3—9]; «Месяц Месяцевич сунул палец в щель, в бане сделалось светло, как днем» [Разумова, Сенькина 1982, № 5]; «В бане было темно, но просунул месяц свой мизинец в замочную скважину и сразу стало светло» [Шмаков 1977, 124—125]. Такой палец является средоточием источника Месяцем света. Указанная часть тела имеет разнообразную семантику [Левкиевская 2004, 616—618]. «Через палец, чаще всего мизинец, осуществлялись различные формы контактов с “иным” миром» [Левкиевская 2004, 617]. Кроме того, отрубание пальца героя, представленное в некоторых русских волшебных сказках, является отголоском обряда инициации [Пропп 2005, 70—72]. В полной же мере символика пальца раскрывается в существовании таких персонажей фольклора, как Мальчик с пальчик (см.: [Афанасьев 1995, т. 2, 371—373, 378]), Мужичок с ноготок (см.: [Афанасьев 1995, т. 2, 389; Новиков 1974, 158—159]).

В сказке из сборника Д. К. Зеленина есть косвенное указание на наличие ног и рук у Месяца: помывшись в бане с тестем, «месяц забыл там свои штаны. Пришел домой и говорит: “Жена, сходи-ко в баню!” — “Да ведь темно”. — “Ну, я посвечу”. Выставил в окно кулак и спрашивает: “Светло ли?” — “Светло, светло”» [Зеленин 1915, № 19]. В любом случае в рассмотренных сказках не подтверждается суждение о том, что «лунный свет считался у всех славян

опасным и вредным» [Толстая 1995, 54].

По всей видимости, характеристика интересующих нас похитителей посредством упоминания об определенных частях тела свидетельствует о наделении их некоторыми антропоморфными чертами. Процесс дальнейшей антропоморфизации отражается в тех сказках, где функционируют герои с астральными знаками и именами. Так, например, для многих вариантов на сюжет, зафиксированный в СУС под номером 707 *Чудесные дети*, характерны персонажи, у которых «*полокот руки в золоте, поколен ноги в серебри, в тыли месеч, по косичам часты звезды, во лбу сончѣ*» [Ончуков 1908, № 5]; «*волосинка одна на головы золотая, а друга серебряна, а на затылке месяц, а по косицам часты мелки звездочки, а во лбу ясно солнышко*» [Онегина 1986, № 76]; «*во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам часты мелки звездочки*» [Разумова, Сенькина 1974, № 11]. (Напомним, что подобная формула использована А. С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане», где у Царевны Лебеди «*месяц под косою блестит, а во лбу звезда горит*»). В других текстах дочери царя, похищаемые зооморфными существами и персонифицированными атмосферными явлениями, названы Луной и Звездой [Онегина 1986, № 48; Худяков 1964, № 81]. Отметим, что данные варианты восходят к «Сказке о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его Царь-девице», опубликованной в сборнике «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (1786 г.). По мнению К. Е. Кореповой, представленному в комментарии к указанному тексту, «имена Луна и Звезда даны автором в ряду других “необычных” имен (Архидей, Дария) и не связаны с мифологическими представлениями» [Корепова 2001, 380]. Однако, скорее всего, это также является свидетельством отразившейся в сказках антропоморфизации.

В некоторых текстах представлен и рост/размер астральных похитителей. Ранее уже отмечалось, что один из них может запросто сесть/лечь на пол или

на стул: «*Солнышко уселось среди полу*» [Афанасьев 1957, № 92]; «*Сонце село на стул*» [Никифоров 1961, № 37]; «*Село Солнце на пол*» [Разумова, Сенькина 1982, № 5]; «*Солнышко уселось посреди пола*» [Ведерникова, Самоделова 1998, № 53]; «*Сонце и говорит: „А я лёгу возле квашонку-ту <...>“*» [Зеленин 1915, № 19]. Другой же способен сходить в баню со своим тестем: «*Жена месяца истопила баню — они со стариком пошли в баню*» [Зеленин 1915, № 19]; «*Пришли они в баню, старик с месяцем*» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12].

В сказках содержатся минимальные сведения, касающиеся локализации интересующих нас персонажей. А. Н. Афанасьев упоминает три представления о местонахождении Солнца, нашедшие отражение у разных народов: племена, поселившиеся на берегах морей, считали, что дневное светило погружается в морские воды; для жителей гористых местностей оно садится за горами; а для обитателей равнин, где дальние леса окаймляют горизонт, Солнце прячется за лесом [Афанасьев 1995, т. 2, 65]. В рассмотренных нами сказках имеют место две из этих версий. Так, в варианте, записанном в Заонежье, на пути идущих в гости к Солнцу старика и старухи «*озеро подходит, небольшая речка*». Они преодолевают водоем необычным способом: «*Постлал на воду свою шубу, со старухой сели на шубу и переехали через озёрко. Добрались и до сонца*» [Никифоров 1961, № 37]. В некоторых текстах дорога к данному похитителю соотносится с представлениями о его восходе/закате: «*Целый день шел старик за Солнцем. Вечером только-только Солнцу спрятаться за гору, старик тоже его догнал*» (выделено мной. — А. Л.) [Разумова, Сенькина 1982, № 5]; «*Вышел (старик. — А. Л.) из дому за-светло; а как пришел к зятю, совсем смерклось: солнышко с женой уж и спать улеглись на сеновале*» [Подснежник 1858, 3—9].

Итак, Солнце «живет там, где земля сходится с небом» [Топорков 1994, 116]. Что касается Месяца, то лишь в одной из проанализированных нами сказок сообщается, что отец героини «*шел-был, вдруг Месяц подхватил ста-*

рика — и в свое жилище» [Онегина 1986, № 35]. По-видимому, употребление глагола «подхватить» свидетельствует о расположении жилища Месяца вверху, ведь его значение — «поддержать, поднять, держа снизу» [Ожегов 2007, 703]. Это подтверждает и сама сказка: «старик поблагодарил дочку и зятя, и зять помог *опуститься* ему домой» (выделено мной. — А. Л.) [Онегина 1986, № 35]. В то же время «наверху» — «это где-то над головой, высоко над нами. Это сияющая голубизна дня и темный занавес ночи. Это царство за границами Земли. Только небо служит ему пределом. «Верх» — это и есть небо» [Крапп 1999, 49]. Месяц, таким образом, локализуется на небе или в небесных сферах. В текстах уточняется, что герой оказывается в гостях у данного существа ночью [Подснежник 1858, 3—9; Разумова, Сенькина 1982, № 5], поскольку Месяц воспринимается как ночное светило. При этом в одном из указанных вариантов появление старика у рассматриваемого персонажа практически полностью совпадает с приходом его к Солнцу (см. выше): «Вышел из дому засветло; а как пришел к зятю, совсем смерклося: месяц с женой уж и спать улеглись на подволоке» [Подснежник 1858, 3—9].

Таким образом, сами жилища астральных похитителей наделяются вполне конкретными атрибутами жизни крестьянина: деревенский дом с сеновалом/«подволокой» (чердаком)/погребом, а также баня.

Во многих сказках упоминание о небесных светилах сопровождается употреблением различных эпитетов. Месяц, например, характеризуется как ясный [Бахтин, Ширяева 1976, № 12], светлый, хороший [Онегина 1986, № 35]; он «ласково» встречает пришедшего в гости героя [Шмаков 1977, 124—125]. Солнце же неоднократно называется «солнышком» [Афанасьев 1957, № 92; Ведерникова, Самоделова 1998, № 53; Бахтин, Ширяева 1976, № 12; Подснежник 1858, 3—9]; при его обозначении используются определения: красное [Бахтин, Ширяева 1976, № 12], ясное, жаркое [Разумова, Сенькина 1982, № 5].

Кроме того, в текстах сохраняется уважительное отношение к персонажам, олицетворяющим астральные явления, которые играют столь значительную роль в жизни крестьянина. Неслучайно дневное светило именуется в одном из вариантов «Солнце-батюшка» [Никифоров 1961, № 37]. Данное обстоятельство указывает на то, что герой состоит с ним не просто в свойственных³, но даже в родственных отношениях. Вообще же «Слово о полку (Игорева. — А. Л.) называет русичей внуками Дажьбога (солнца)» [Афанасьев 1995, т. 2, 247]. В русских волшебных сказках сохраняются упоминания о других родственниках дневного светила — Солнцевой сестре, например [Смирнов 1917, № 321, № 324]. В тексте, записанном в Пудожском районе Карелии, второй похититель назван «Месяц Месяцевич» [Разумова, Сенькина 1982, № 5]. Такое почтительное обращение является еще одним доказательством антропоморфизации, ведь данная структура наименования «может быть свойственна только человеку (по типу имя-отчество)» [Разумова 1991, 63].

Похищение женщины Солнцем и Месяцем обусловлено в сказках некоторыми причинами. Главной мотивировкой в большинстве случаев оказывается обещание героя (старика) отдать дочерей в жены рассматриваемым существам в благодарность за их помощь. Эта помощь связана с хозяйственной (земледельческой) деятельностью героя. Во многих сказках сообщается, как живущий в бедности старик просыпал семена [Никифоров 1961, № 37], крупу [Шмаков 1977, 124—125] / крупку [Афанасьев 1957, № 92], зерно [Разумова, Сенькина 1982, № 5] / «зернорожь» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12], не заметив дыру в мешке. В результате герой обращается к Солнцу с просьбой обогреть место, куда высыпались зёрна, и его самого или же высушить воду, в которую упали семена. Месяца он просит осветить пространство, ведь события разворачиваются «поздно вече-

³ Так же, как некоторые исследователи [Новик 1975; Краюшкина 2003], мы употребляем это слово, говоря о родстве по браку.

ром» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12]. В рассказанной 13-летним Иваном Столбовым сказке этот персонаж помогает старику посушить(!) семена [Никифоров 1961, № 37], хотя «согласно языковому стереотипу, луна “светит, но не греет”» [Топорков 1994, 117]. (Отметим, что лишь в одном варианте герой сам собирает зерно [Разумова, Сенькина 1982, № 5], в остальных случаях ему помогает откликнувшийся на просьбу Ворон.)

В сказке, опубликованной в журнале «Подснежник», герой обращается за помощью к Месяцу во время заготовки дров: «*Немного времени спустя поехал старик в лес — дрова рубить. Позамешкался в лесу: глядь — уж и ночь; да темень такая, что топора не видать. — Эх, говорит, — кабы месяц! Среднюю бы дочь за него замуж отдал, только бы посветил. Месяц и выглянул*». Помощь Солнца в этом тексте опять же связана с сельскохозяйственными работами: «*Поехал старик весной поле вспахать. Небо все в тучах; солнышка нету. Стало старика холодом прохватывать: — Эх, говорит, — кабы солнышко! Старшую бы дочь за него замуж отдал, только бы погрело*». *Солнышко и выглянуло*» [Подснежник 1858, 3—9].

В тексте, записанном в Карелии, Солнце помогает во время еще одного важного момента в жизни крестьянина — сенокоса: «*Пошел старик траву косить. Косил, косил — дождь заливной! А старик говорит: “Эх, кабы сейчас Солнце выглянуло, отдал бы я свою среднюю дочь замуж”. Только подумал, солнце выглянуло, ясное, жаркое и высушило всю траву у старика*» [Разумова, Сенькина 1982, № 5].

Итак, рассматриваемые небесные светила берут себе в жены дочерей героя вследствие предварительного договора с ним.

В сказке, зафиксированной в 1908 г. в Вятской губернии и опубликованной в сборнике Д. К. Зеленина, похищение женщин не мотивировано помощью астральных персонажей. Здесь дочери поочередно идут на колодец за водой, в результате чего одну из них «*утасхыл месяц*», другую — «*утасхыло сонцо*» [Зеленин 1915, № 19].

В самом позднем по записи варианте (1982 г.), имеющемся в нашем распоряжении, старик отдает одну из своих дочерей за Месяца не в благодарность за помощь, а за неимением других женихов [Разумова, Сенькина 1982, № 5].

Сам момент похищения женщины рассматриваемыми персонажами описывается в сказках по-разному. В некоторых текстах он совсем утрачивается, когда в ходе повествования говорится, что герой отдал замуж своих дочерей [Разумова, Сенькина 1982, № 5; Шмаков 1977, 124—125]. Другие представляют краткую констатацию: «*В прекрасный день потерялись его (старика. — А. Л.) все три дочери*» [Бахтин, Ширяева 1976, № 12]; «*сразу дочка исчезла, Месяц ее утянул*» [Онегина 1986, № 35]. И все же встречаются сказки, где похищение женщины астральными существами описывается достаточно подробно [Афанасьев 1957, № 92; Никифоров 1961, № 37]. Здесь отец велит героям «одеться хорошенько» и выйти на крылечко [Афанасьев 1957, № 92], на ступени [Никифоров 1961, № 37], т. е. в сказках упоминаются локусы, располагающиеся между этим и иным мирами⁴, что предопределяет возможность похищения.

Итак, астральные существа, согласно русским волшебным сказкам, не часто выступают в роли похитителей женщин. Рассмотренные тексты изображают небесные светила главными помощниками в крестьянской жизни. В них также сохраняются отголоски представлений о возможном браке человека с астральным существом. В то же время Солнце и Месяц в сказках наделяются некоторой символикой, свидетельствующей об их принадлежности к иному миру. Наконец, по словам Е. С. Новик, «русская волшебная сказка не содержит <...> развернутых описаний брака с небесными светилами» [Новик 1975, 220], однако тексты на сюжет 552В=АА*299 в какой-то степени опровергают это мнение.

⁴ Об этих промежуточных пространствах см. подробно [Криничная 2007а; Криничная 2007б].

Источники

Афанасьев 1897 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки / под ред А. Е. Грузинского. Т. 1. М., 1897.

Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

Бахтин, Ширяева 1976 — Сказки Ленинградской области / собр. и подгот. к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976.

Ведерникова, Самоделова 1998 — Сказки и несказочная проза / сост., подгот. текстов Н. М. Ведерниковой, Е. А. Самоделовой. М., 1998. (Серия «Фольклорные сокровища Московской земли». Т. 3).

Зеленин 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915.

Онегина 1986 — Сказки Заонежья / сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Никифоров 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961.

Ончуков 1908 — Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

Разумова, Сенькина 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.

Разумова, Сенькина 1982 — Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982.

Подснежник 1858 — Подснежник. Журнал для детского и юношеского возрастов. 1858. № 1. С. 3—9.

Смирнов 1917 — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 1—2. Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917.

Худяков 1964 — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964.

Шмаков 1977 — *Шмаков В. В.* Сказочник Е. П. Шуляковский из села Воздвиженка Альшеевского района БАССР // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1977. С. 121—129.

Литература

Афанасьев 1995 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 2 т. М., 1995.

Гура 1995 — *Гура А. В.* Блины // Славянская мифология. М., 1995. С. 53—54.

Крапп 1999 — *Крапп Э. К.* Астрономия: Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / пер. с англ. К. Савельева. М., 1999.

Краюшкина 2003 — *Краюшкина Т. В.* Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках (на материале фольк-

лора Сибири и Дальнего Востока): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003.

Криничная 2007а — *Криничная Н. А.* Крыльцо крестьянского жилища: фольклорно-мифологический образ в контексте традиций народного искусства // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 110—117.

Криничная 2007б — *Криничная Н. А.* Лестница: к проблеме морфологии фольклорного мышления (по материалам мифологических рассказов и поверий) // Лингвофольклористика на рубеже XX—XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск, 2007. С. 169—178.

Корепова 2001 — *Корепова К. Е.* Комментарии // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII века. СПб., 2001. С. 379—386.

Круглов 1993 — Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия // сост. Ю. Г. Круглов. СПб., 1993.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Палец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М., 2004. С. 616—618.

Мифология 1998 — Мифология. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1998.

Новик 1975 — *Новик Е. С.* Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 214—246.

Новиков 1974 — *Новиков В. Н.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Толстая 1995 — *Толстая С. М.* Луна, месяц // Славянская мифология. М., 1995. С. 245—247.

Ожегов 2007 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 2007.

Пропп 2005 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.

Разумова 1991 — *Разумова И. А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991.

Топорков 1994 — *Топорков А. Л.* Солнце // Родина. 1994. № 5. С. 115—117.

Топорков 2002 — *Топорков А. Л.* Голова // Славянская мифология. Изд. 2-е. М., 2002. С. 106—107.

Summary. *The paper considers two astral captors of women — the Sun and the Moon, which are quite rare in Russian magical fairy tales. The texts analysed contain information about the appearance, functions and localisation of the said characters.*

Key words: *Russian magical fairy tale, astral characters, the Sun, the Moon.*